

— Ты же, ну, не один, — Чу И немного помолчал, добавив: — Я попозже с тобой посижу.

Янь Хан внимательно, долго смотрел на него, а затем поднялся, подошел и коснулся губами его лба.

Чу И замер на месте. Легкий аромат парфюма Янь Хана накрыл его с головой; хотя поцелуй пришелся на волосы, голова у парня всё равно пошла кругом. С самого детства никто никогда не целовал его вот так, да и в памяти не всплывало, чтобы кто-то из домашних его обнимал. Это легкое прикосновение к его лбу стало первым в жизни проявлением близости, которое он ощутил.

— Тебе точно пора подстричься, — хмыкнул Янь Хан.

— Угу, — Чу И неловко улыбнулся и взъерошил челку. — На выходных схожу.

— Вечером я хочу побыть один, — сказал Янь Хан. — Если что-то случится, я тебе напишу.

— Договорились, — ответил Чу И.

— Договорились, — кивнул Янь Хан.

После того как Чу И ушел, Янь Хан еще некоторое время просидел на диване, тупо глядя в одну точку, а потом встал, достал бутылку Эрготоу, припасенную отцом, и пакетик жареного арахиса. Устроившись на диване, он закурил, убавил звук телевизора и продолжил смотреть городской канал. По вечерам там всегда крутили какой-нибудь донельзя приторный сериал, где даже на лицах стариков стоял мягкий фильтр, сглаживающий кожу. Сразу после сериала начинались новости.

Он сидел в темноте, пил горькую водку, жевал арахис и смотрел на мерцающий прямоугольник экрана. Формат «я в тени» помогал ему чувствовать себя в безопасности.

В безопасности.

Когда отца не было дома, эта потребность обострялась. Не просто чувство безопасности, а некая физическая защищенность. Сегодня он мог бы сходить и разузнать всё сам, но не стал — попросил Чу И сделать это за него. Такую привычку прятаться при малейшей угрозе отец специально не прививал, но годы подобной жизни, уроки уличных драк, навыки самообороны и умение разбираться в людях давно впечатались в подкорку.

Когда заиграла заставка новостей, рука со стаканом слегка дрогнула. Водка расплескалась, он слизал капли с ладони, не отрывая взгляда от арахиса на журнальном столике.

— Сегодня около шести часов вечера в районе Шидун произошло предполагаемое столкновение с применением насилия...

Когда диктор произнесла это, внутри у Янь Хана всё сжалось. Он залпом допил остатки водки, уставившись в экран, хотя уши будто заложило — он перестал разбирать слова.

— ...Полиция района Линьхэ получила сообщение... один человек скончался на месте от потери крови... обнаружены обширные следы крови...

Янь Хан не сводил глаз с кадров: привычная улица, перетянутая желтой полицейской лентой.

Погибшего нашли у реки, личность еще не установлена, а очевидцы утверждают, что он выбежал из переулка на противоположной стороне улицы.

Переулок на противоположной стороне. Он был всего метрах в пятистах от их съемной квартиры. На самом деле это даже не переулок — так, узкий проход между двумя стенами дворов, где не проедет машина, только пешеход или скутер. Когда камеру переключили на сам проход, Янь Хан увидел на земле огромные, еще не смытые пятна крови.

Он нахмурился. У реки крови было много, человек явно получил ножевое ранение в переулке, а потом, истекая кровью, пытался добежать до воды, где и упал.

...Но почему столько крови осталось еще и в самом переулке? Чья она? И кто был тем, кто нанес удар?

— Детали дела находятся в процессе расследования...

Сюжет был коротким, уже через пару минут его сменили новости о двух стариках, устроивших драку из-за места в автобусе.

— Совсем с ума сошел! — Бабушка с размаху ударила Чу И по спине. — Еще и школу прогулял! Почему бы тебе сразу не бросить учебу?!

Чу И молчал, глядя на расплескавшийся по полу суп из морской капусты с яйцом. Ноги и ступни саднило от жгучей боли. Суп разлился, когда бабушка с силой вырвала кастрюлю у него из рук, пока он нес ее из кухни — всё содержимое выплеснулось на штаны. Гнев бабушки был понятен: он не предупредил, что не придет ужинать, а мама, бабушка и дедушка голодали в ожидании. Сегодня он был слишком занят мыслями о Янь Хане и совершенно забыл наврать матери для прикрытия.

— Сходи под холодную воду, — буркнул дедушка.

— Какую воду?! Пусть хоть сварится заживо! Если его не проучить, он совсем на шею сядет! — Бабушка уперла руки в бока и ткнула в него пальцем. — Ты посмотри на него в последнее время: если доволен — придет поест, если нет — даже не пикнет, исчезнет, и поминай как звали!

На самом деле, довольным он не был, да и в возвращении домой поесть не было никакой радости. Чу И аккуратно оттянул штанину, чтобы та не прилипла к коже; к счастью, суп успел немного остыть. Но по сравнению с болью в ногах его больше расстраивали штаны. Это была вещь, которую подарил Янь Хан. Надевать их целиком он не рискнул, поэтому сверху был в школьной форме... знал бы, что так выйдет, лучше бы остался в форме — дыру на заднице он всё равно уже заштопал.

Бабушка еще долго ругалась, прежде чем утихомириться. Он ушел в ванную, снял штаны: ноги и ступни покраснели, но, к счастью, без ожогов кожи. Он подержал ноги под холодной водой, стало немного легче, но стоило убрать струю, как жгучая боль возвращалась. Он вздохнул, натянул большие шорты, купленные на балконе, и решил, что вечером всё же надо сходить за мазью.

В гостиной царил тишина. После инцидента с супом семейный ужин был поставлен на паузу — все просто сидели, ошарашенные. Чу И взял швабру и принялся оттирать пол.

— Может, в полицию позвонить? — вдруг сказал дедушка.

— В какую еще полицию?! — нахмурилась мама. — Мужик трубку не берет, а мы сразу звонить? У них что, других дел нет, кроме как тебя слушать?

— И правда, — поддакнула бабушка. — Какого черта звонить, лучше бы разузнали, где он там гуляет.

— Да хватит уже! Изю дня в день одно и то же, хоть раз доброго слова от тебя не дождешься! — раздраженно бросила мама.

— Тот человек из новостей, — не унимался дедушка, — не он ли...

— Ты с ума сошел?! — мама вскочила на ноги. — Ты больной, что ли?!

— Всю жизнь был дураком, — бабушка указала на дедушку. — От моего пуга толку больше, чем от твоего интеллекта.

Чу И дважды помыл пол, расставил тарелки и сел за свой рабочий стол. Слушая, как бабушка с мамой обсуждают возможные причины исчезновения отца, он чувствовал лишь тревогу и смятение. Отец был человеком боязливым, особенно перед мамиными криками. В памяти Чу И не было случаев, чтобы отец пропадал без связи — даже если телефон разряжался, он всегда находил способ позвонить. Кто знает, что стряслось.

У мамы не было номеров телефона компании отца или его коллег. Теперь, когда мобильный не отвечал, спросить было не у кого.

— Завтра сама съезжу к ним в офис, — подытожила мама. — Что за контора такая!

— Я с тобой пойду, — сказала бабушка.

— Да куда тебе, сиди уж, я сама сначала выясню, что к чему. — Мама нахмурилась.

Чу И лежал на столе, перелистывая учебник английского. Домашнего задания не было, и он не знал, чем себя занять. В этом доме у него не было даже уголка, где можно укрыться от суеты. Он мог только сидеть, уставившись в пустоту.

Лишь когда вся семья разошлась по комнатам спать, он поднялся и на цыпочках вышел из квартиры. Идти было некуда. Раньше он бегал или уходил в «дупло» в дереве — поболтать. Но сегодня к «дуплу» не подойти — там всё еще висела полицейская лента.

В аптеку за мазью от ожогов он тоже не зашел: не знал, что какой-то тюбик стоит так дорого — в разы дороже зубной пасты...

В итоге он остановился на обочине напротив дома Янь Хана и вздохнул. Свет в окнах не горел — видимо, Янь Хан уже спал. На улице было пусто и холоднее, чем обычно, — в конце концов, сегодня днем здесь произошло убийство, и людей на улице почти не осталось. Чу И было не очень страшно; в пустом переулке никто хотя бы не пялился на него, гадая, не болен ли он чем. Однако ночной ветер совсем не охлаждал жгущие ноги — боль никуда не делась.

Надо было всё-таки намазать кожу зубной пастой, пока был дома.

Чу И снова тяжело вздохнул.